

АЛИСА МУРРАНО

Чудовищный капкан поместья Фловерфилд

Алиса Муррано

**Чудовищный капкан
поместья Фловерфилд**

«Издательские решения»

Муррано А.

Чудовищный капкан поместья Фловерфилд / А. Муррано —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965803-6

Джоанна рано потеряла семью, и старая знакомая ее покойной матушки взяла девочку под свою опеку. Окончив пансион, Джоанна принимает решение поработать гувернанткой. Но никто не хочет приглашать к себе слишком юную девицу. Неожиданно опекунша получает письмо от некой Миссис Фловерфилд с предложением места для Джоанны. Девушка отправляется в уединенное поместье, расположенное в мрачном лондонском предместье в окружении болот. Она полна надежд и даже не догадывается о том, что ждет ее впереди...

ISBN 978-5-44-965803-6

© Муррано А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Маленькая Джоанна. Юная Джоанна	6
Глава 2. Знакомый незнакомец	10
Глава 3. Поместье и его обитатели	13
Глава 4. Детки, которое не все конфетки	20
Глава 5. О, Мистер Фловерфилд!	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чудовищный капкан поместья Фловерфилд

Алиса Муррано

© Алиса Муррано, 2019

ISBN 978-5-4496-5803-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Маленькая Джоанна. Юная Джоанна

Джоанна сидела в вагоне первого класса – ей было весело оттого, что в этой подчеркнуто солидной обстановке она ощущала важность своей персоны и некоторую торжественность момента.

Девушку обволокла приятная полудрема от монотонного гула сложного механизма, уносившего ее поезд в дальний пригород Лондона. В ее ногах уютно устроился совсем небольшой дорожный сундучок с самым необходимым.

Тетушка Джоанны, Миссис Трамель, всегда настаивала на том, чтобы Джоанна называла ее Жоржиной. Девушка так и делала, но в мысленных монологах или почтовой переписке (когда она училась в пансионе) всегда обращалась к тете почтительно, как и следовало обращаться, к этой чудесной женщине, которая заменила Джоанне если не мать, то уж точно старшую сестру и лучшую в мире советчицу, самую участливую и любящую.

Джоанна выросла в семье торговца-лавочника Оливера Джонса и Мэри Джонс, дочери разорившегося графа Валентайна Норфолка. Детство девочки было ярким, безоблачным и безбедным – мать, образованная женщина, сама учила дочь всему чему могла. Кроме того, к девочке приходили учителя, которые преподавали ей латынь и игру на фортепиано. У девочки было два брата – веселые озорники-погодки, Вик и Седрик, которые, к величайшему огорчению всей семьи, погибли от ножных ранений, нанесенных уличными ворами. И было мальчишкам всего восемнадцать и девятнадцать лет.

Гибель сыновей обозначила начало мрачного периода в жизни семьи Джонс. Отец не справился с горем и начал пить. Впоследствии это привело к избыточному весу и сердечным болям, которые свели Оливера Джонсу в могилу намного раньше положенного срока, как говорили все те, кто хорошо знал этого доброго и отзывчивого человека. Какое-то время мать Мэри Джонс и чудесная малышка Джонни (так звали ее в семье) жили на сбережения. Мэри, как ни старалась, не справлялась с торговыми делами мужа и не смогла стать достойной заменой – в лавке требовалась физическая сила, выносливость. Мэри пробовала нанимать помощников, но это съедало всю прибыль, и на жизнь почти ничего не оставалось.

Мэри и Джоанне какое-то время помогали друзья, но от этой помощи в какой-то момент мать отказалась сама, когда почувствовала, что становится безнадёжной обузой. Ей удалось продать лавку с остатками товара, кое-какие инструменты мужа, годный скарб, а еще двух крепких лошадей повозку и очень крепкую и невероятно большую тачку, которую Оливер собственноручно справил год назад и гордился ей, как обычно гордятся смекалистыми детьми.

Мэри подсчитала все вырученные деньги и прикинула, что они с Джонни смогут протянуть еще год, если урежут все расходы, откажутся от приходящих учителей, а также попробуют обойтись старой одеждой и обувью.

Здоровье Мэри было подорвано, ее мучали маточные кровотечения и, предчувствуя собственную кончину, она решила написать письмо своей старой приятельнице Жоржине Трамель – состоятельной вдове с интересной жизненной историей. Джоанна, уже будучи девушкой, слышала разные слухи насчет Миссис Трамель – что она танцовщица из России, успела побывать в любовницах у влиятельных лиц Австрии и Англии, после чего удачно выскочила замуж за сведенного ей с ума лорда в летах. Сердцем Джоанна чувствовала: что бы ни случилось с Миссис Трамель в ее прошлом, она всегда была самым добропорядочным человеком с самой отзывчивой душой.

Великая сила Миссис Трамель заключалась в том, что она не разменивалась на «важные знакомства». Она часто говорила Джоанне, когда та уж была осмысленной цветущей особой на пороге собственной взрослой жизни, что женская привлекательность и притягательность – в целостности и тверди ее внутреннего стержня.

Как-то раз эта мудрая женщина сказала Джоанне за чашечкой кофе, и девушка впитала сказанное наизусть и долго потом еще вспоминала:

«Деточка, милая моя Джонни, если бы ты знала, как жестоко заблуждаются леди, даже те, что относятся к самому высшему обществу, полагая, что кокетство дает какие-то преимущества и помогает получить над мужчиной власть. Ничего подобного! Вернее, женщина впадает в иллюзию: ОНА стреляет глазами, поводит плечом и совершает еще какие-нибудь интересные телодвижения, а ОН, чувствуя ЕЕ призыв, конечно же, реагирует... Но, есть одно „но“, сладкая моя Джонни... Как ты думаешь, на что способен фейерверк? Скажем, хлопушки и петарды сгодятся, чтобы глаз порадовать, самую малость поразить воображение, если узоры в небе выйдут искусными... Но что случается, когда вспышки огоньков тают? В небе остаются жалкие серенькие следы, тающие в несколько мгновений. Зачем пилиться в небо, если фейерверк уже окончился и радость от него испарилась вместе с огненным дымком? Еще пример. Кокетка – мечтательная легковерная рыбачка. Она ловит рыбку на крючок с наживкой, рыбка срывает червяка, и только ее и видели. Кокетка думает, что зацепила ЕГО на века, и ей даже кажется, что ОН уже у НЕЕ в серебряном ведре и никуда не денется. Но какая ему надобность висеть на крючке или болтаться в ведре, если можно взять и уплыть к новым рыбкам, рыбачкам или просто по каким-либо более важным делам? Кокетство – пустая растрата женской цельности. Расходуешь себя на привлечение внимания, а на выходе один пшик и все. Не способны глупые уловки удержать и привязать... А что тогда способно, умная моя Джонни? Все невероятно просто: чем меньше маеты, брызг, искр, шума, чем больше женщина преисполняется изнутри, а не снаружи, тем больше и глубже она способна погрузиться в мужскую душу, закрепиться там, заполнив собой все его существо. Настоящему мужчине, а не охотнику за легкой добычей, которую он никогда не оценит. Знаешь, сколько я знаю отчаявшихся красоток, которые по всем понятиям общества давно должны были оказаться в счастливом браке, но они одиноки или коротают дни с недостойными экземплярами? Я знаю женщин из хороших семей, которые слепы в своем непонимании истинной сути вещей. Они вышли замуж за ловцов приданого и беспутных мотов, хотя могли бы найти более достойную партию, будь они хоть чуточку сдержаннее и вдумчивое, берегли бы свое внутренне таинство, и не расплескивали бы свою красоту и обаяние вокруг, преумножая душевную пустоту. Я безмерно счастлива, Джонни, водить знакомства с кроткими и неприметными, но благостными „серыми уточками“, которые составили партии лучшим мужчинам этого мира всем на зависть и удивление... Их лица и тела несовершенны, они не приковывают плотских взглядов обнаженными руками и спинами на балах... Но, Джонни... Их любят, ценят. В глазах этих женщин столько благодатной любви – в них можно тонуть и не бояться сгинуть. В их улыбках – успокоение и надежда. В их руках и бережном обращении – забота и надежность. Джоанна, заклинаю тебя – не будь пустой кокеткой! Не трать жизнь на заячий флирт! Самая вкусная дичь сама придет к тебе, если будешь ты сосудом, излучающим спасительный свет в самый темный, туманный день и дарующим нежное тепло в самую холодную ночь».

Миссис Трамель сыграла значимую роль в жизни маленькой Джоанны Джонс. Жоржина забрала девочку к себе сразу после скоропостижной смерти Мэри и поместила ее в лучший пансион Лондона. При этом она навещала ее и, что еще важнее, вела с ней душевную переписку, которая во многом заменила девочке материнские наставления, а они так нужны любой подрастающей особе. Под судьбоносным влиянием своей дорогой Жоржины Джоанна росла благоразумной и рассудительной девочкой, любящей жизнь, но не намеревающейся растрчивать ее на пустопорожние глупости и мимолетные радости. Вместе с Миссис Трамель они решили, что Джоанне непременно нужно получить хорошее место гувернантки в каком-нибудь хорошем семействе, что было бы хорошим зачином для светлого и понятного будущего. Во-первых, девушке необходимо научиться самой содержать себя. Во-вторых, по мнению Жоржины, обучение детей и совершенствование их морального образа – тот самый труд, который пойдет

на пользу молодой особе. В отличие от развлечений и балов, благотворительная работа поможет юной душе раскрыться и расцвести, наполнив ее правильным смыслом, откроет дверцу в материнскую любовь (ведь когда-нибудь Джоанна сама станет мамой), обучит сочувствию, привязанности и стремлению к преодолению собственных слабостей.

Джоанна не была уверена в своих силах. Ей было всего восемнадцать, и она не знала жизни, находясь под присмотром то матери, то Миссис Тратель. Она опасалась, что не сможет найти общий язык с воспитанницами и воспитанниками. Вдруг они не полюбят ее? Вдруг она не справится с их шалостями, не сможет быть достаточно твердой, не сможет разжечь огонек тяги к знаниям?

Но Миссис Тратель уверила девушку, что все будет хорошо, и что она на своем веку (а ей было уже около шестидесяти пяти лет, хотя выглядела она не больше, чем на тридцать восемь) повидала много гувернанток в самых разных семьях и домах, и может ручаться за то, что Джонни справится. Собственное терпение и смирение, немного строгости, умашенной любовью, внимание к особенностям каждой отдельно взятой детской души – это те золотые качества, которые здесь нужны, и девушке не составит труда высветить их в себе, ведь они в зачатке точно у нее есть.

Миссис Тратель не сразу нашла место для Джоанны. Она отправила письма в несколько семей Лондона и окрестностей. Многие дамы не хотели брать в свой дом слишком молодую и неопытную девушку, полагая, что она причинит вред их семействам легкомыслием и небрежностью, которые характерны для беспечной юности, пока еще не осознающей истинных границ правильного и дозволенного.

Прошло несколько месяцев и, наконец, Миссис Тратель получила заветное письмо от семейства Фловерфилдов, которые проживали в одноименном поместье рядом с лесными массивами Хайгет Вуда.

Жоржина была искренне удивлена, получив это письмо, потому, что она не писала Фловерфилдам и даже не знала, что им нужна гувернантка. Жоржина горячо поблагодарила автора письма, миссис Фловерфилд, за готовность взять на работу ее племянницу Джоанну (с момента смерти Мэри Джонс Миссис Тратель всем представляла девушку своей племянницей) и распространила Миссис Фловерфилд о деталях предполагаемой работы.

Миссис Фловерфилд ответила практически молниеносно, и Жоржина решила, что семье и, правда, нужна помощь с детьми. Из письма следовало, что предыдущая гувернантка была вынуждена уехать на неопределенный срок присматривать за детьми своей скоропостижно скончавшейся сестры, и вот уже прошел год, но мисс Джудит, и не подумала вернуться. Дети опечалены – они привыкли к регулярным занятиям, начинают потихоньку дичать и отбиваться от рук. Детей трое – Селестина, девица четырнадцати лет, шестилетний Герберт и малыш Эдгар трех лет от роду. Миссис Фловерфилд, ознакомленная с блестящими характеристиками и рекомендациями, полученными от директора пансиона и почтенной миссис Тратель, выражает надежду на то, что Мисс Джоанна станет для детей другом и наставником, сможет развить их юные умы, наполнив их правильным содержанием, а также привьет самые лучшие манеры, что позволит детям, когда придет время, предстать в свете в самом лучшем виде.

Мисс Амелия Фловерфилд выразила надежду на то, что она и ее семья смогут стать для Джоанны теплым милым домом, где прекрасная девушка, на долю которой выпало столько испытаний в столь юном возрасте, сможет отогреться и найти самое лучшее обращение.

Откуда у Миссис Фловерфилд оказалась информация о том, что Миссис Тратель подыскивает место для своей племянницы? Миссис Фловерфилд как-то очень неопределенно ответила на этот вопрос – мол, знакомая ее знакомой, также находящаяся в поисках гувернантки, вскользь обмолвливалась о том, что после долгих раздумий и разговоров с матерью своего мужа, все же решила не принимать к себе слишком юную девушку, да еще сироту. Потому что боялась, что она окажется дубовым листочком на ветру, которого понесет в любую сто-

рону. Миссис Фловерфилд, наоборот, горячо заинтересовалась особой, о которой шла речь, и выпросила у знакомой адрес. Также Миссис Фловерфилд сообщала, что Джоанна может приступить к работе уже на следующей неделе. Более того, женщина выражала готовность выслать деньги на дорогу и теплое платье. Она выразила опасение, что юная девушка может озябнуть по дороге в поместье, когда поедет в экипаже, который пришлют за ней к железнодорожной станции. Поместье находится в болотистой низине, где часто случаются туманы, и, например, Джудит первое время пребывания во Фловерфилде постоянно страдала ревматическими болями в коленных суставах, сетуя на тяжелую влажную дымку, стелющуюся по земле и везде ее преследовавшую. Миссис Фловерфилд уверяла, что она обязательно закажет для Джоанны пошив подходящей одежды и купит обувь, подходящую для местного климата. Она надеется, что Джоанна последует советам, и ее здоровье будет в полном порядке. К сожалению, Джудит была в этом отношении слишком своенравной и не хотела менять любимые легкие туфли на что-то более весомое. Поэтому с ней и приключился ревматизм. Дети Фловерфилдов были, по словам матери, крепкими и полными жизни.

Не дожидаясь ответа от Миссис Трамель, Миссис Фловерфилд следующим письмом выслала деньги, которых с лихвой хватило не только на билет в вагоне первого класса (женщина настаивала, что Джоанне будет там спокойнее и безопаснее), но и на новую накидку. В этом же письме Миссис Фловерфилд еще раз уточнила размер содержания – оно было более чем приличным – и выразила надежду увидеть Мисс Джоанну в своем доме в следующий понедельник. Женщина попросила в ответном письме уточнить время приезда, чтобы они смогли вовремя снарядить экипаж.

На какие-то мгновения Жоржину сковало странное чувство: горячность миссис Фловерфилд казалась ей чрезмерной. Однако Миссис Трамель поспешила отмахнуться от собственной неопределенной тревоги. В конце концов, она могла напрячь воображение и представить, что чувствует бедная мать троих детей в поместье, окруженном болотами. Ей, скорее всего, хотелось получить не только воспитательницу для троих разновозрастных шалунов, но и приятную собеседницу, с которой можно было попить чаю и поболтать о разной женской ерунде.

Миссис Трамель написала, что Джоанна, снаряженная всем самым необходимым, включая теплое платье и накидку на случай непогоды и сырости, будет отправлена к ним с вечерним поездом, который должен прибыть в место назначения в шесть часов вечера в понедельник.

Джоанна была преисполнена волнений. Хотя приготовления, как и положено, приносили ей радость. Миссис Трамель всячески приободряла девушку и обещала, что не оставит ее – будет лить мед на душу своими уютными рассказами о лондонской жизни и ее обитателях и, если что, сможет снабжать ее советами по разным щекотливым ситуациям.

За такой короткий срок тетя и племянница, конечно, не успели бы пошить девушке гардероб, пригодный для сырых мест, но им удалось прикупить несколько очень удачных платьев пастельных тонов, которые очень шли Джоанне, подчеркивая свежесть ее лица и каштановый блеск густых волос. Владелица швейной мастерской, знакомая Жоржины, пообещала в срок до двух дней подогнать платья по фигуре, а также подобрать самые милые воротнички. Она сдержала обещание. И к пятнице у Джоанны, с чьих щек не сходил румянец как отголосок постоянного трепетного ожидания, уже был собран небольшой крепкий сундучок с вещами, которых ей точно хватит на первое время.

Глава 2. Знакомый незнакомец

В поезде Джоанна немного поуспокоилась, и ее внутренняя дрожь наконец отпустила ее. Ее больше не тревожила мысль, что она не справится. Она чувствовала поддержку Миссис Трамель – казалось, она где-то здесь рядом. За окном расстилалось тяжелое серое небо, накрывавшее собой верхушки деревьев. Октябрь был холоднее обычного. Но Джоанна не боялась холода и сырости – ее мама никогда ее не кутала, полагая, что детям прохладного Лондона лучше с младых лет закаляться, чтобы организм привык к сюрпризам неожиданно грубого ветра или дерзкого похолодания.

Девушка почувствовала на себе чей-то взгляд и, отвлекшись от пейзажей за окном, посмотрела на человека, который сидел напротив нее. Это был господин лет шестидесяти, а, может, и моложе. У него было нездоровое лицо багрового отлива с крупными порами – такое бывает у мужчин, которые привыкли к каждодневному виски, крепким сигарам и обильной жирной пище. Господин был в цилиндре и с седыми бакенбардами.

Мужчина был одет в костюм из дорогой материи. Из кармана выглядывали золотые часы, пристегнутые цепочкой к многогранной блестящей антрацитом пуговице жилета. Мужчина разглядывал девушку, не боясь быть пойманным за этим занятием. Джоанна всего на мгновение остановила на нем свой взгляд и снова отвернулась к окну. Все описанные выше детали и явственный интерес незнакомца были пойманы ей в один единственный миг, которого хватило для того, чтобы объять всю картинку целиком. Нескромное разглядывание вызывало в Джоанне брезгливость. В то же время она не позволила себе «застрять» в зрачках его сосредоточенных глаз, и это позволило сохранить внутреннее равновесие, не вспыхнуть румянцем, никак не выдать своих чувств.

Джоанна продолжала смотреть в окно на сменяющие друг друга деревья, кусты, поля и фермерские домики, как вдруг незнакомец заговорил.

– Вы простите мне мое любопытство, мисс, – начал он. – Я обычно не заговариваю с незнакомками. Не потому, что мне бы этого не хотелось, но потому, что знаю, юные девушки не приветствуют дорожные беседы, когда путешествуют одни. Я, если честно, даже одобряю это, если бы у меня была дочь, то она получила бы от меня очень категоричные наставления насчет того, с кем можно, а с кем нельзя вступать в беседу...

Джоанна отвела глаза от окна и посмотрела господину прямо в глаза и сразу же почувствовала, что он будто вжался, спрятался внутрь. Однако приглядевшись к нему, она несколько изменила свое мнение о нем. Господин не казался опасным и дерзким. Ему, судя по всему, было так же неловко, как и ей. Все же не стоило делать скоропалительных выводов по одному небрежно брошенному взгляду. Джоанна почувствовала укол совести. Ей захотелось как-то заглянуть свои собственные мысли, если вдруг незнакомец сумел их каким-то образом прочесть.

– Вы правы, сэр, – ответила девушка, оправляя накидку. – Я имею предубеждения в отношении дорожных знакомств. И, да, я получила тетушкины наставления по поводу того, как себя вести. Тем более что это моя первая в жизни поездка на поезде.

– О, даже так! – искренне удивился незнакомец. – Я совсем забыл представиться, прошу меня простить. Гай Кемински к вашим услугам. У меня магазинчик на Бэдфордс-сквер и еще, простите, крошечная, почти карманная компания по производству лекарств. Я покупаю сырье на материке и в некоторых других странах и произвожу свои целебные горошинки.

Незнакомец загадочно улыбнулся – он ожидал, что Джоанна заинтересуется вопросом выведать у него про его «горошинки», но девушка поняла, что, скорее всего, мистер Кемпински занимается производством гомеопатии. Мать Джоанны верила в силу гомеопатии и всегда держала под рукой дежурную аптечку с сахарными горошками, покрытыми веществом в микро-

скопическом разведении, и успешно лечила ими все известные хвори, используя гомеопатический лечебник, который подарил ей муж. Тот, в свою очередь, получил лечебник в качестве презента от одного старого друга, который являлся автором этой замечательной книги. Как жаль, что мамина болезнь оказалась непобедимой. Миссис Мэри потеряла волю к жизни после смерти братьев и любимого мужа. Это было слишком для нее. Опухоль в самом главном женском органе, где должна зреть новая жизнь, – это как символ желания смерти и избавления от страданий, которые стали невыносимы, подавили волю – так говорила миссис Трамель, и Джоанна была склонна согласиться с ней. Маленькая Джоанна не могла стать утешением для своей матери. Да как ей заменить мужа и двух братьев? С таким никто бы не справился.

Гомеопатическую аптечку девушка везла с собой в своем дорожном сундучке, ровно как и маленький потрепанный, но бережно хранимый и обернутый в газету лечебник. Неожиданно перед внутренним взором Джоанны всплыла обложка дорогой сердцу книжки. Там был нарисован пучок трав, и еще имелись название, фамилия и имя автора – Гай Кемпински «Лекарственная гомеопатия. Для дома и семьи». Гай Кемпински! Неужели это он?! Девушка, забыв о манерах, предрассудках и предосторожностях, вскинула на своего соседа свои небольшие, но прекрасные ярко-синие глаза, и этим заставила его смутиться еще больше.

– Простите меня, сэр... Быть может, вы когда-либо знали Оливера Джонса? Я Джоанна Джонс, его дочь.

Надо было видеть, как удивился Гай Кемпински! Он даже снял свой цилиндр, оголив лысину, покрытую мелкими капельками пота, которые были похожи на росу.

– Вы дочь Оливера Джонса? Джоанна Джонс! – воскликнул Гай Кемпински и даже, кажется, чуть подпрыгнул на своем месте. – Я был на похоронах дорогого Оливера. Слышал, что матушка ваша тоже ушла... Не смог проводить ее в последний путь – как раз в это время плыл на корабле в Индию по торговым делам... Я глубочайше соболезнаю. Такая трагедия, Джоанна! Дай бог, вам, милое дитя, прожить долгую и счастливую жизнь. Вы это заслужили. Насколько я осведомлен, вы с малых лет находились на попечении Миссис Трамель. Мы немного знакомы... Совсем немного, неуверен, что Миссис Трамель меня помнит.

– Все верно, – ответила Джоанна, вздыхая. Она вспомнила своих чудесных братьев, любимых маму и папу, и ей стало невыносимо грустно. – Миссис Трамель очень добра ко мне. Я, с ее позволения, смею называть ее тетусшкой, хотя мы не родственники. Я закончила обучение в частном пансионе и сейчас отправляюсь в поместье Фловерфилдов. Там трое детей, и миссис Фловерфилд требуется гувернантка...

Девушке показалось, что мистер Кемпински вздрогнул, когда она упомянула поместье Фловерфилд. В его бледно-серых глазах промелькнула тень беспокойства.

– Фловерфилды, – сказал мужчина задумчиво. – Так значит, вы едите работать к Фловерфилдам...

– А вы знаете эту семью? – спросила Джоанна чуть дрогнувшим голосом. Ей передалась тревога Мистера Кемпински.

– Не могу сказать, что я лично знаком с этим семейством. Много лет назад я приятельствовал с Уильямом Фловерфилдом. У нас были кое-какие совместные дела. И я помню, что в какой-то момент он сильно заболел. Это была какая-то экзотическая хворь, и он советовался со мной. Я тогда не смог помочь со своими гомеопатическими пилюлями, а также с травами и снадобьями, которые я покупал в Индии и Китае. Но и врачи, к которым он обращался, тоже не особо понимали, что делать. Помню, он сильно похудел, у него была обильная псора и сильное ухудшение психического состояния... Но потом он исчез из виду. Я как-то написал ему домой на адрес его фамильного поместья. Он ответил мне неожиданно жизнерадостным письмом, где сообщал, что чувствует себя намного лучше и уверенно идет на поправку благодаря каким-то отварам невероятной целительной силы. Больше, к великому моему сожалению, весточек у меня от него не было. Хотя я отправлял ему еще одно письмо – я хотел заехать

к нему по одному интересующему меня вопросу, в котором он был компетентен. Однако мое письмо осталось без ответа.

Джоанна задумалась. Ей показалось удивительным, что мир настолько тесен, что все друг друга знают.

Мистер Кемпински выдернул Джоанну из ее раздумий неожиданным предложением. До этого момента он, как и Джоанна, о чем-то сосредоточенно размышлял, постукивая средним пальцем правой руки по матовой ткани брюк.

– Джоанна, я позволю предложить вам свои услуги, если они вам когда-нибудь понадобятся. Мне будет приятно чем-нибудь помочь единственной дочери дорогого товарища. Если вы не возражаете, я напишу Жоржине Трамель, вашей любезной попечительнице. Если вдруг я смогу быть чем-то полезным – это сделает меня немного счастливее. Оливер был добрым малым, он мне сильно помогал советами и дружеским плечом. В общем, вы на меня можете смело рассчитывать. У меня у самого трое подросших сыновей – мы с моей женой квохчем над ними, простите, как курочки-несушки. А вы такая юная и едете одна работать в чужой дом. Хотя это правильное решение. Такая работа поможет вам узнать людей получше в безопасной обстановке, так сказать.

Мистер Кемпински сильно смутился, подозревая, что наговорил лишнего. Не стоило ему перегружать эту юную особу своими старческими эмоциональными нравоучениями.

– Спасибо, сэр, – произнесла Джоанна тихо, но уверенно. – Я справлюсь. Я безмерно скорблю об усопших самых дорогих мне людях. Но я должна жить дальше. Слава богу, у меня есть миссис Трамель. Истинная правда – она луч света в моей жизни, и, если бы ни она, я бы не получила образование и не имела бы возможности заниматься чем-то полезным и учиться содержать себя.

– О, да! Вы совершенно правы, Мисс, – произнес мистер Кемпински с некоторой долей горячности. – Вы все правильно делаете! Я уверен, под незримым крылом Миссис Трамель вам нестрашны мелкие невзгоды, с которыми вы можете столкнуться в господском доме. Но могу ли я написать вашей опекунке? Вы не будете против?

– Конечно! – ответила Джоанна.

Ей было очень приятно, что она смогла встретить близкого друга своего отца.

Глава 3. Поместье и его обитатели

Холодный тягучий туман обволакивал окружающее пространство. Смеркалось. Хорошо, что Джоанна догадалась достать из сундучка теплую шаль – она была очень кстати.

Джоанна поразилась, как сильно здешний климат отличается от лондонского. Хотя, казалось бы, расстояние не такое уж большое. Лето в самом разгаре, а тут будто осень глубокая, промозглая и беспощадная.

Она прошла вдоль платформы, крепко держа свой небольшой, но увесистый сундучок, различая в самом конце небольшую плотную фигурку. На платформе никого больше не было, и она решила, что это за ней.

Она подошла совсем вплотную и, не успев сдержать эмоции, дернулась назад, увидев, что у человека нет одного глаза. Вместо глаза из растянутого истонченного века выпирал отвратительного грязно-серого оттенка шар, сделанный, наверно, из стекла.

– Мисс Джонс? – уточнил одноглазый человек, деловито принимая из онемевших рук Джоанны ее скромную поклажу и не выказывая никаких эмоций. – Вам не сказали о моем увечье? Жаль, что напугал. Со мной приключилась одна весьма неприятная история... Глаз мне выклевала ворона. Я имел несчастье проезжать на повозке под деревом, и там на ветке как раз над моей головой ворона насиживала яйца. Эта гарпия набросилась на меня, а у меня в руках еще и поводья, и лошадь моя здорово струхнула... В общем, остался я без глаза.

Джоанна не знала, что и сказать. Она так испугалась, что у нее не хватало сил даже на скромные слова сочувствия. Они дошли до двуколки. Лошадь дернула головой в сторону девушки и фыркнула, будто спрашивая у своего хозяина, что это за гостя и зачем она здесь.

Усевшись поудобнее, Джоанна плотнее завернулась в шаль, и попыталась не смотреть на своего провожатого.

– Наши имена, Мисс, чертовски созвучны. К вашим услугам... Джо, – представился слуга, манерно кланяясь. – С этими объяснениями насчет глаза иногда и вовсе забываешь сказать людям, кто ты такой. Вроде как это уже и не особо нужно. Тебя все равно запомнят как «одноглазого».

– Мне очень жаль, – наконец выдавила из себя Джоанна, подавленная несколько фамильярным обращением мужчины со страшноватой внешностью. – Я немного нервничаю. Это первое мое самостоятельное путешествие. И первая работа. Я волнуюсь. А тут еще такой туман...

– Точно! – воскликнул Джо почти что радостно, будто туманы – бесспорное преимущество природы. – Туманы у нас знатные, Мисс! Но вы привыкните. Все привыкают. И главное – не бойтесь заболеть! Но если заболеете, то помните, что в семействе Фловерфилд знают все про то, как вылечить ревматизм и болящие кости. Дети у них почти не болеют, хотя целыми днями по лесу носятся...

Джо повернулся к девушке, и она смогла хорошо разглядеть его профиль. У него было маленькое заплывшее жиром лицо с очень коротким плоским лбом, большой какой-то бесформенный нос, крупный рот и крошечный подбородок, утопающий в мясистых шейных складках. Джо повернулся к Джоанне своим уцелевшим глазом и ободряюще подмигнул ей. Девушка выглядела напуганной. По такой неровной местности она бы предпочла передвигаться в экипаже.

– А миссис Фловерфилд не боится отпускать детей бегать по лесу одних без присмотра? – спросила Джоанна. – Я слышала, у вас здесь болота везде вокруг, и волки встречаются.

– Как вам сказать, – замялся Джо. – Они раньше с Джудит ходили везде, но та уехала, и теперь они как бы сами. А тут вы приехали, и будут теперь, значит, под вашим строгим надзором.

В сердце Джоанны вновь закралась смутная тревога, неосознанная еще до конца. Скорей бы уже познакомиться с Миссис Фловерфилд, которая развеет все ее тревоги и сомнения!

Между тем лошадь с трусцы перешла на тихий шаг – дорога была бугристая, то и дело встречались внушительные холмы и неприятные ямки. Джоанна глубже вжималась в сиденье и молила бога, чтобы они побыстрее добрались до поместья. Наконец дорога выровнялась, и кажется, что даже лошадь вздохнула, расслабила свои напряженные мышцы, не говоря уже о Джоанне, которая от нервного напряжения ужасно хотела есть. Впереди показались чугунные ворота внушительных размеров с причудливой ковкой.

Когда двуколка поравнялась с воротами, Джоанна разочарованно отметила, что краска у ворот совсем облезла. Внутреннее пространство показалось просто огромным. Сквозь туман девушка могла различить несколько построек, включая большой каменный дом, похожий на старый замок – он возвышался в самом центре и был похож на старика-исполина. Будто памятник былому роскошеству и величию...

Джоанне показалось, что окружающее пространство – она успела оценить сад с поросшими сорняками клумбами – было настолько неухоженным, что это неряшливость казалась просто непозволительной и неприличной для благополучной и состоятельной семьи.

Когда Джоанна слезла с двуколки и следом пошла за Джо, который резво семенил короткими ножками впереди, ей сделалось настолько тоскливо, и она почувствовала себя настолько истощенной, что у нее уже не было сил сдерживать свои эмоции.

Внутренности большого каменного казались более ухоженными. Видно было, что здесь следили за чистотой и регулярно наводили лоск. В вечернем полумраке громадные окна сверкали чистой – их вымыли вчера или даже сегодня. То же самое можно было сказать и про мраморный пол с причудливыми прожилками, и про вычищенные ковры на лестницах, и про прозрачный блеск массивной потолочной люстры.

Стена напротив входной двери была усыпана семейными портретами в золоченых рамах, вычурными натюрмортами, охотничьими горнами разных форм и размеров, трофейными головами оленей и кабанов. Там было несколько картин с абстрактными малопонятными изображениями. Джоанна попыталась взглянуть в «мазню», но не смогла разглядеть в ней никаких понятных образов.

– Здравствуйте, Миссис Джоанна Джонс! – голос прозвучал громко и властно. Это был голос молодого, полного сил и уверенного в себе человека.

Джоанна обернулась. Незнакомец зашел в дом. Видимо, до этого момента он находился в саду или где-то еще. Этому мужчине можно было бы дать не больше тридцати лет, если бы не седина волос. Девушка была застигнута врасплох и, не отводя глаз, разглядывала красивое, но какое-то странное лицо. Серые глаза, большие и слегка припорошенные дымкой – как туманы в здешней местности. Тонкие губы с улыбкой приветствия. Одет он был в белую сорочку, расстегнутую на груди и жилетку с низким вырезом. Брюки с высоким поясом на подтяжках были слегка запачканы у нижней каймы брючин коричневыми пятнами грязи.

Его лицо выглядело очень моложаво, а волосы, довольно длинные и густые, растрепанные ветром, были полностью белые, как полевой сухоцвет.

– Позвольте представиться, Мисс, меня зовут Уильям Фловерфилд, – мужчина сделал реверанс, и Джоанна углядела в этом нарочито комический жест. – Это моя жена писала вашей опекушке, достопочтенной Миссис Трамель, и я рад, что вы согласились принять наше предложение. Уверен, вам у нас понравится.

Мистер Фловерфилд выжидательно посмотрел на гостью и слегка прокашлялся, как бы приглашая ее к беседе.

– Спасибо за прием, сэр Фловерфилд, – вымолвила Джоанна голосом, который показался ей слишком робким по сравнению с громогласной уверенностью Сэра Фловерфилда, который, судя по всему, являлся хозяином этого дома и отцом троих детей, для воспитания которых

и нанимали Джоанну. – Я так устала с дороги, что мысли путаются. Никак не могу собраться с мыслями.

Джоанна решила, что нет смысла бодриться, когда голова совсем уже не соображает. Железнодорожная поездка была очень приятной и быстрой, но путешествие на двуколке с одноглазым Джо показалась сущим адом, без преувеличения. Девушка только сейчас осознала, что все ее мышцы болят, и шея неприятно ноет от сосредоточенного напряжения, возникавшего каждый раз, когда двуколка наезжала на кочки или, наоборот, ныряла в ямки.

– Простите, мисс Джоанна, – произнес Уильям Фловерфилд с подчеркнутой снисходительностью. – Конечно же, вам нужен отдых. Я прекрасно понимаю, каково молодой и хрупкой особе, как вы, разъезжать по ухабам. Кстати, надеюсь, вы не испугались нашего старину Джо? Я не написал, кажется... Вернее, моя жена, миссис Фловерфилд наверняка забыла указать эту маленькую деталь в последнем письме, адресованном вам и Миссис Трамель. Или все же вас предупредили?

– Все хорошо, сэр Фловерфилд. Я хорошо добралась. Двуколка и, правда, катила временами немного неровно... Но я понимаю, что здесь никто не виноват, кроме дорог. Еще раз простите меня. Я бы поднялась в комнату, которую, с вашего позволения, смогу считать своей на время пребывания в вашем доме.

Джоанна поняла, что если сейчас не закончит разговор, то свалится без задних ног прямо в вестибюле.

Ее проводили наверх. Комната была совсем крошечной. Зато у окна стоял распрекрасный письменный стол с пачкой чистой бумаги и письменными принадлежностями. Девушка выглянула в окно и еще раз ужаснулась запущенности огромного сада, который мог бы выглядеть божественно, потрудись над ним хоть чуть-чуть более или менее расторопный садовник.

В дверь постучались. Это была горничная, которая представилась Эвелин — сухая чопорная девица неопределенного возраста, явно не из болтушек. Она принесла фарфоровый чайник, печенье, немного сыра и ветчины.

Не удержавшись, Джоанна спросила у Эвелин, где Миссис Фловерфилд. Горничная, не глядя собеседнице в глаза, холодно ответила, что, насколько ей известно, Миссис Фловерфилд уехала немного подлечить свое здоровье на термальные воды Австрии. После короткого объяснения Эвелин бросила не менее холодно «спокойной ночи» и юркнула за дверь, несмотря на явную попытку Джоанны задать ей еще один вопрос – а где трое ребятишек? Все же странно, что они ее не встретили. Хотя бы из любопытства могли бы выглянуть из дверей своих спален, но, быть может, они играли в саду и не заметили ее приезда... Сад большой. Там яблони, кустарники, сарай, несколько садовых домиков и еще бог весть что... Но все же это странно, что дети ее не встретили. Но, конечно, еще более непонятной казалась ей ситуация с хозяйкой дома, которая так ее ждала, буквально выдернула из Лондона, но не дождавшись приезда новой гувернантки, уехала поправлять свое здоровье на термальные источники. И что там у нее со здоровьем? Джоанна не помнила, чтобы Миссис Трамель упоминала о проблемах со здоровьем Миссис Амелии Фловерфилд.

Джоанна съела сыр, ветчину и с удовольствием выпила почти весь чай в чайнике. Напиток показался ей невероятно вкусным. Она хотела было написать письмо своей опекунше, чтобы поделиться с ней своими первыми впечатлениями, но сон сморил ее. Не было даже сил, чтобы переодеться. Но девушка все же, преодолевая желание упасть на кровать, собралась с силами и вынула одежду из дорожного сундука, чтобы та немного отвиселась и распрямилась.

* * *

Джоанна проснулась около семи утра и поспешила привести себя в порядок. Как хорошо, что вчерашним вечером она все же сперва извлекла из своего сундучка платья. За ночь складки разгладились, и платья выглядели благопристойно.

Девушка причесалась и убрала волосы – хорошо, что они были послушные и не требовалось никаких дополнительных средств для укладки. Пудрой Джоанна не пользовалась – ей нравился ее каштановый цвет с медовым отливом. Девушка приладила кружевной воротничок к бежевому платью с высоким воротом, получилось красиво – перламутровые пуговицы плисированной вставки и белое кружево добавляли наряду женственности.

Джоанна открыла дверь и тихонечко спустилась. Лестница была старой и скрипела даже под почти бесшумным шагом тоненькой Джоанны в мягких кожаных ботинках. Не успела она ступить на последнюю ступеньку, как откуда ни возьмись перед ней вынырнула Эвелин с какой-то тряпицей в руках.

– Уже проснулись, Мисс? – спросила Эвелин. Вопрос прозвучал так, будто Эвелин сожалела о том, что гувернантка проснулась.

– Доброе утро, Эвелин, – произнесла Джоанна, стараясь звучать как можно приветливей. – Я как раз к вам. Хотела попросить кувшин теплой воды... И еще спросить, какой обычно здесь распорядок дня, когда у детей завтрак...

– Вы идите к себе, Мисс, – поспешила с ответом Эвелин, почти перебивая девушку. – Поднимитесь к себе, и я принесу вам воду и тазик.

Эвелин тут же шмыгнула куда-то под лестницу, а Джоанна, пожав плечами, развернулась, чтобы идти обратно.

Эвелин примчалась быстро, ловко водрузила тазик на высокий стул с широким деревянным сиденьем, поставила большой керамический кувшин – белый с красными маками – на туалетный столик. После чего уже собралась было убежать, но Джоанна оказалась проворней и окликнула ее у двери:

– Эвелин, расскажи мне, пожалуйста, про распорядок дня. Мистер Фловерфилд уже проснулся?

– Я не знаю-с, Мисс, – процедила горничная сквозь зубы. – Сэр обычно встает поздно и завтракает отдельно. Когда у нас работала Джудит, она обычно завтракала с ним второй раз по его распоряжению. Во время завтрака он расспрашивал ее о детях. Прислуга завтракает обычно в половину седьмого. К половине восьмого мы накрываем стол для детей. Раньше они завтракали с Джудит, но теперь, наверно, будут с вами...

– А когда у вас работала Джудит, во сколько обычно начинались занятия?

– Ох, – вздохнула Эвелин. – Простите меня, Мисс Джоанна. Лучше пусть сэр Фловерфилд вам все расскажет и покажет. Кто знает, как будет на этот раз.

– Конечно, расспрошу, – вздохнула Джоанна в ответ. – Как жаль, что Миссис Фловерфилд уехала. Надеюсь, мне не придется слишком часто дергать сэра Фловерфилда с расспросами.

– О, на этот счет можете не беспокоиться! – ответила Эвелин с несвойственной ей живостью, но все же довольно неэмоционально. – Сэр очень добрый и отзывчивый. Для него гувернантка – это та, которой он доверяет своих детей. Вы сможете обращаться к нему в любое время. Скажу вам даже так, Мисс, если вдруг вы будете стараться меньше его тревожить, он обидится на вас или сам начнет подходить к вам с предложением своего совета или помощи.

После этих слов Эвелин с характерной для нее проворностью подскочила с краешка кровати, на которой сидела, отвечая на вопросы новой гувернантки, после чего пулей вылетела за дверь, успев напоследок сказать, что можно уже идти завтракать, и что сегодня Мистер Фловерфилд вопреки своим привычкам будет кушать рано и заодно познакомиться с новой работницей.

Джоанна еще посидела какое-то время в своей комнате в задумчивости. Следовало бы сейчас написать письмо тетушке, дорогой Жоржине, Миссис Тратель, но нужно было торопиться к завтраку.

Внизу никого не было. Но был сервированный стол на пять персон. На столе стоял свежее испеченный яблочный пирог, ветчина, сыр и несколько видов варенья. Джоанна уже решила

подыскать себе местечко где-нибудь в укромном месте, чтобы подождать детей и Сэра Фловерфилда – гостиная, где завтракали плавно перетекала в вестибюль, где было несколько больших мягких кресел – но девушку окликнули, и она вздрогнула от неожиданности.

– Миссис Джоанна! – воскликнул Сэр Фловерфилд. Он был одет таким же образом, как и вчера, только сорочка была свежей. А вот с брючинами все та же история – пятнышки темно-коричневой грязи. – Не думала, что вы подниметесь так рано. Вы вчера выглядели уморенной. Надеюсь, спали хорошо?

– Спасибо, Сэр. Все хорошо, – ответила Джоанна, пытаясь сглотнуть побольше слюны – во рту было невероятно сухо.

– Вы присаживайтесь вот сюда, – скомандовала мужчина с привычным властным задором. – Берите все, что захотите. Все яства к вашим услугам.

Джоанна присела, застелила платье белой тканевой салфеткой и положила себе на тарелку немного хлеба и масла. Мистер Фловерфилд отрезал ножом большой кусок пирога и водрузил его на тарелку девушки. Несколько печеных яблочных долек выпали на скатерть, но хозяин дома предпочел этого не замечать.

– Как вам пирог, Джоанна? – осведомился он, внимательно наблюдая, как девушка ела, неловко ковыряя еду. Ей было ужасно неловко – он смотрел на нее чрезмерно пристально. Джоанна была уверена, что это выходит за рамки приличия. Она не знала, как себя вести, и понимала, что это какой-то особенный случай, о котором Миссис Трамель еще не успела ей рассказать.

– Пирог чудесный, – ответила девушка. – А когда спустятся дети? Мне не терпится с ними познакомиться...

– Не торопитесь, Джоанна, – ответил Сэр Фловерфилд. – Еще успеете устать от них. Они у меня дикари несносные. Тяжелая работенка предстоит. Но то, что вы молоды – это даже хорошо. Юность – гибкая и плодородная субстанция, способная принять форму любого сердца. Немного строгости, щепотку терпения и любви, и они будут вашими навеки. Дети – привязчивые создания и всегда отвечают любовью на искренне тепло. У нашей Джудит получилось, правда, не очень. Но я признаюсь, это все из-за ее некоторой холодности и, как я подозреваю, природной лени. Ей не хватало фантазии и находчивости. Иные детские шалости вывели ее из себя, она впадала в ступор. Могла только отвешивать колкие замечания и угрожать расправой с моей стороны. Но я не привык наказывать детей. Я верю, что к любому ребенку можно найти подход с помощью любви и внимания...

– Мистер Фловерфилд, ваша жена, наверно, волнуется, что ее детей доверяют незнакомой ей особе? Было бы намного спокойней, если бы она могла лично со мной встретиться и поговорить, как мы сейчас разговариваем с вами, – произнесла Джоанна, замечая, что упоминание хозяйки дома произвело на Сэра Фловерфилда странное впечатление – будто искра недовольства промелькнула на его лице, и еще пару мгновений он как будто усиленно размышлял о чем-то. Но затем привычное выражение беззаботной веселости вновь озарило его лицо.

– Вы зря тревожитесь за мою Амелию! Она очень умная женщина и знает, что можно доверять моему мнению и моей оценке происходящего. Я обещал ей писать раз в три дня с подробным отчетом о том, как вы приживаетесь у нас, и о том, как ладите с детьми. Этого будет достаточно, чтобы на ее сердце было спокойно. Ну и потом... она, как я надеюсь, вернется через пару недель. Вы сможете познакомиться, и, уверен, сможете стать приятельницами. Амелия всегда жаловалась, что ей скучно здесь, в этом «царстве болот», как она любила выражаться. Ее поездка – это еще и возможность развеяться.

«Миссис Фловерфилд было бы спокойнее, если бы она уехала после знакомства со мной, удостоверившись, что я все правильно поняла, и что дети согласны принять меня», – размышляла Джоанна, делая крошечные глотки из белой с позолотой чашки. Чай, как и вчера, казался невероятно вкусным.

За дверью, которая вела в сад, послышался топот ног и детские озорные крики – трое детей вбежали в гостиную, чуть не сбив с ног Эвелин, которая несла в кухню грязную посуду на подносе.

– О, вот и мои птенцы! Познакомьтесь, Миссис Джонс, вот это моя прелесть Селестина, почти уже девушка. Это шалун Герберт. А это кроха Эдгар. Прошу любить и жаловать. Дети, поздоровайтесь с Мисс Джоанной и идите мыть руки. И еще, моя дорогая Селестина, надень, пожалуйста, панталончики.

Мистер Фловерфилд резво раздавал указания, а Джоанна рассматривала детей, которые смотрели на нее исподлобья. Но в выражении их лиц не было и тени смущения. Напротив, было нечто дикое и протестное, как у маленьких щенят, которые растут в закрытом вольере, не зная человеческих рук.

Селестина выглядела на все пятнадцать лет, а то и старше. Между ней, Джоанной, и Мисс Фловерфилд по сути была совсем небольшая разница. Девочка была рослой и крепкой и имела дерзкое выражение лица. Похоже, что ей совсем не занимались. На ней было шелковое платье цвета чайной розы – платье короткое, подразумевающие, что под него наденут панталоны. Но их не были. Были голые ноги, обутые в черные кожаные шнурованные ботинки. Лицо Мисс Фловерфилд казалось привлекательной – каштановые волосы, небольшие, но выразительные и черные, как ночь, глаза, тонкий, очень маленький прямой нос и губы, возможно, крупноватые и какого-то воспаленного алого цвета. Джоанне показалось, что Селестина тоже разглядывает ее. В ее взгляде искорками мелькала усмешка – такая же, как и у ее отца.

Герберт был шестилетним мальчиком, одетым в тунику и панталоны. Одежда была на размер больше, чем ему требовалось, но, возможно, так ему было удобней носиться на свежем воздухе. Мальчик сжимал в руке деревянную саблю и смотрел на свою новую гувернантку с некоторой долей враждебности. Трехлетний Эдгар, одетый в длинную, ничем не подпоясанную тунику, похожую на платье, напротив, выглядел робким и разглядывал Джоанну широко раскрытыми глазами, но только тогда, когда она сама не смотрела на него.

Дети убежали умываться. Джоанна пыталась осмыслить увиденное. Похоже, ей и, правда, будет нелегко. Особенно с Селестиной, которая, скорее всего, не захочет воспринять всерьез гувернантку, которая по своему возрасту недалеко от нее ушла. К тому же девочка имеет явно своевольный характер.

Мистер Фловерфилд прервал тягостные размышления Джоанны, точно угадав их содержание:

– Не волнуйтесь, Миссис Джоанна, – произнес он по-отечески нежным тоном. – Я прекрасно понимаю ваши чувства. Мальчишки смиряться с необходимостью слушаться вас в течение недели – я лично прослежу и каждый вечер буду расспрашивать их с пристрастием об уроках и занятиях, внушать им мысль, что они должны хорошо вести себя. Иначе мне придется прибегнуть к наказанию. Они все жить не могут без сладостей... То, что касается Селестины – она, конечно, требует особого внимания. В ней необходимо воспитать кротость и послушание. Без этого ей не видать высшего света, светских радостей и удачного замужества. Признаться, ее и не тянет во все эти дамские штучки. Моя Амелия избаловала девочку главным образом тем, что не запрещала ей мальчишеские забавы, к которым Селестина всегда тяготела. Истинная дикарка...

Мистер Фловерфилд вздохнул и ушел глубоко в свои мысли. Джоанна погрузилась в свои, но тут мужчина неожиданно продолжил, как бы воспрянув духом:

– Мисс Джоанна! Я никогда не буду требовать от вас невозможного! Не буду ждать, что вы вашими силами сгладите все несовершенства. Ваша задача состоит лишь в том, чтобы дети стали вести себя хотя бы чуточку благопристойней, прилежно учились... Мне бы хотелось, чтобы вы развили в них чувство прекрасного и тягу к знаниям. Да, и я надеюсь, что вы сможете привести в порядок их одежду. Возможно, им понадобится новый гардероб. Джу-

дит никогда не следила за этим – признаться, она сама одевалась как попало. А моя Амелия немного упустила этот вопрос, полагая, раз мы живем на болотах в уединении, то не стоит пока тратить усилия на внешний лоск. Этот лоск, по ее словам, улетучился бы в миг после пары-тройки прыжков в саду и лесу.

Глава 4. Детки, которое не все конфетки

Дети оказались даже запущенней, чем предполагала Джоанна. Селестина бегло читала, но ее подчёрк был просто ужасен. Ее не интересовали книги и истории, которые Джоанна старательно выискивала и старалась читать с выражением, вдохновенно. Она не могла сидеть ровно, все время растекаясь по парте, и казалось, что никак не может справиться со своими руками, которые не давали ей покоя. Когда Джоанна обращалась к ней с просьбой коротко пересказать услышанное, девочка безмолвно таращила глаза с таким невыразимым безразличием и скукой, что у Джоанны сжималось сердце и пересыхало в горле так, что, казалось, она сама потеряла дар речи. К слову сказать, в этом доме девушка все время мучилась невероятной и незнакомой ей доселе сухостью во рту. Ей приходилось пить много воды, но это не всегда помогало.

Герберт был способен к математическим наукам – он прекрасно считал. Писать он пока не мог, но знал буквы, и Джоанна решила, что как раз сейчас хорошее время для того, чтобы обучить мальчика письму. Правда, Герберт был невероятно упрямым, все время спорил и доказывал обратное по любому поводу – казалось в него вселился бесенок противоречия. Но это все равно было не так страшно, как притупленная черствость сознания Селестины, сквозь которую, казалось, невозможно было проникнуть никакими средствами.

Маленький Эдгар оказался самым благодарным учеником – ему явно не доставало тепла и нежности. Он с удовольствием слушал сказки, старался заучивать стишки и скороговорки. Он почти сразу привязался к Джоанне и, когда она не была занята, ходил за ней попятам, крепко захватив маленькой ручкой краешек ее рукава или платья. Внимание малыша успокаивало Джоанну.

* * *

Девушка никак не могла отделаться от ощущения, что ее окружает туман лицемерия и ненастоящих чувств. Она все время боролась с собой, убеждала себя, что это ее фантазии, и не стоит придавать им слишком много значимости. Первый и даже второй взгляд могут оказаться обманчивыми.

Джоанна почти всегда пребывала в состоянии из-за опасения сделать что-либо не так. Это была ее первая работа. И у нее не было поддержки мудрой и доброй по отношению к ней женщины – она привыкла к обволакивающей заботе и вниманию Миссис Трамель и теперь чувствовала себя покинутой, одинокой, а часто и вовсе беспомощной.

Одно хорошо – ей не приходилось слишком часто общаться с Мистером Фловерфилдом, который вызывал в ней необъяснимое отторжение. Ей все время казалось, что существует бескрайняя пропасть между тем, что он говорит, и тем, что он думает на самом деле. Уильям Фловерфилд регулярно отправлялся куда-то верхом, а иногда и в двуколе вместе со своим Джо, который, как успела понять Джоанна, принимал активное участие в управлении помещением и часто выполнял всевозможные поручения Эвелин (по совместимости она была еще и экономкой), а часто и самого хозяина дома. Пыл Сэра Фловерфилда в отношении воспитания детей и надзора за их успеваемостью быстро угас, когда он увидел, что гувернантка справляется и проявляет твердость, не выходя при этом из себя и не теряя доброго чувства к вверенным ей подопечным.

Единственное – Мистер Фловерфилд настаивал на совместном и ежедневном с Джоанной чаепитии. И это могло быть не только время второго завтрака, но и любое другое – в два, три или пять часов. Даже, если у гувернантки были в это время уроки с детьми, она была вынуждена прерваться и провести вместе с Сэром Фловерфилдом не менее сорока минут. Иногда он вовлекал ее в активную беседу (не о детях, а просто о чем-нибудь ему интересном), но чаще чаевничал молча и так сильно погружался в свои размышления, что и вовсе забывал о том, что он здесь не один и начинал шумно прихлебывать, не осознавая шероховатостей своих

манер. Он машинально подливал чай себе и Джоанне, и обычно девушка выпивала не меньше трех чашечек. Для нее это было чересчур, но она не могла отказаться из вежливости. И потом было бы странным, если бы она просто сидела за столом со сложенными на коленях руками и ничего бы не делала. А так чай был хоть каким занятием, которым она могла занять себя во время этого странного застольного ритуала.

Однажды Джоанна спросила Сэра Уильяма, почему Селестина не обучалась ранее музыке. Ведь это помогло бы сформировать навыки вдумчивости, усидчивости и, вне всяких сомнений, пошло бы на пользу ее подчерку, далекому от совершенства. На это хозяин махнул рукой, сказав, что у Селестины музыкальные занятия с ранних лет вызывали глубочайшее отторжение. Они с Амелией даже обращались по этому поводу к семейному врачу, и тот, осмотрев девочку и понаблюдав за ее игрой (если можно так назвать изуверства и насилие над клавишным инструментом) и упражнением по самым азам нотной грамотности, пришел к выводу, что ум девочки не воспринимает музыкальные науки. Он также сказал, что подозревает в маленькой тогда еще девятилетней прелестнице некоторую долю умственной слабости. Уважаемый доктор назвал это умственной апатией. Правда, он выразил надежду на то, что этот врожденный недуг или особенность развития как, вероятно, следствие родовой травмы, может сойти на нет, если девочка будет расти здоровой и крепкой, проводить много времени на свежем воздухе. Пусть она и не станет утонченной образованной леди, все же при наличии внешнего очарования и природного жизнелюбия сможет составить какому-нибудь джентльмену весьма недурственную партию.

Мистер Фловерфилд признался, что для него самого образованность женщины не есть бесценный Грааль. Счастье семейной жизни, по его мнению, составляют другие качества – кротость, участливость в делах мужа, нежность к детям и другие свойства, относящиеся скорее к сердцу, чем к уму. Джоанна в душе никак не могла с ним согласиться. Она верила, что путь обучения во всей его полноте и продолжительности касается не столько ума, сколько развития душевных качеств. Человек не может образоваться морально, духовно, если он закрыт для знаний, если сознание омертвляется, не пропуская внутрь созидательно-целебный луч божьего света. Необразованная душа не приведет к развитию человеческой основы – благородства, сострадания и прочих добродетелей. Джоанна, разумеется, не стала возражать Сэру Фловерфилду. Она совершенно не представляла, как ей найти подход к Селестине. Однако отец девочки, как поняла Джоанна, не предъявлял никаких особенных требований и не обозначал свои ожидания, поэтому девушка решила для себя, что не будет упорствовать с занятиями, требовать усердия и послушания. Она, с одной стороны, ощущала собственное бессилие. С другой стороны, Джоанна не собиралась испытывать чувство вины за это бессилие. В свои юные годы она уже хорошо понимала, что есть вещи, на которые повлиять невозможно даже при большом и искреннем желании. Селестина не испытывала к гувернантке теплых чувств. Джоанна не могла разглядеть, что там внутри этой непонятной и чужеродной души. Возможно, мать, Миссис Фловерфилд, могла бы рассказать и подсказать, но ее здесь не было.

Джоанна с помощью Джо на днях отправила письмо своей дорогой тетушке и с нетерпением ждала ответа.

Она еле сдержалась, чтобы не выложить все детали и подробности, которые постоянно поднимали в ней самые разные тревожные ощущения, но пока ограничилась лишь очень кратким повествованием о своих будничных заботах. Единственное – она выразила беспокойство о здоровье Миссис Фловерфилд и свое сожаление насчет того, что они не успели познакомиться до отъезда хозяйки на лечение.

Письмо от Жоржины Трамель пришло через три дня, и Джоанна, не справляясь с частым сердцебиением, дрожащими пальцами вскрыла конверт и прочитала:

Дорогая моя, милая, милая, Джонни! Я так рада получить твоё письмо. Меня насторожили твои объяснения, почему ты не могла так долго (целую неделю) отправить своё первое

письмо. Я уверена, что ваш уважаемый и верный слуга и посыльный Джо может в следующий раз быть порасторопнее с отправкой. Ты говоришь, что он часто катается на станцию по разным хозяйским делам? Пожалуйста, будь понастойчивей и требуй внимания к своим интересам. Тем более что такая просьба не будет стоить никому ни времени, ни лишних денег. Пиши мне почаще, Джоанна!

Меня тоже взволновала внезапная хворь Миссис Фловерфилд, если учесть с каким невероятным рвением и воистину мужским упорством она старалась «выписать» тебя поскорее в свои дорогие сердцу болота. Я могу понять, что с женищинами случаются разные неприятности, могут неожиданно обостриться старые залеченные болезни, но, дорогая, она могла бы дожидаться тебя! Всего-то неделя или даже меньше ожидания! Но я могу тебе сказать, что женищины – в принципе, существа мало предсказуемые, особенно начиная с определённого возраста. Рискну предположить, что скорый отъезд матери троих детей – результат многолетней накопившейся усталости. Видно, что как только она удостоверилась, что ты приедешь, то сразу же подхватила свои вещички и отчалила на воды, где климат, несомненно, благодатней, и царит полная свобода от домашних обязанностей. Я искренне надеюсь, что отсутствие матери семейства не станет для тебя чрезмерно обременительным. Умоляю, не бери на себя слишком много! И если Мистер Фловерфилд возжелает взвалить на тебя дополнительные обязанности, пожалуйста, дай мне знать, и я сразу же ему напишу. Не пытайся заниматься вопросами дипломатии самостоятельно. Поверь, для твоего возраста, это будет перебор. Взрослые опытные люди, особенно мужчины, могут быть изобретательными и коварными, и ты глазом моргнуть не успеешь, как превратишься в няньку и прислугу для всего дома.

Напиши мне, пожалуйста, подробнее о детях и Мистере Фловерфилде. Как его самочувствие? Мне написал Мистер Кемпински, с которым ты по невероятному стечению обстоятельств оказалась в одном поезде и свела короткое, но приятное для него (и я надеюсь для тебя) знакомство. Он выразил глубочайшую радость оттого, что смог вживую пообщаться с прекрасной дочерью его дорогого друга, семью которого нещадно поколотили жизненные перипетии. Он готов оказать посильную помощь по самым разным вопросам тебе или мне, твоей опекуни, если понадобится. Пользуясь случаем, я заказала у него несколько травяных лечебников, которые он мне от всего сердца расхваливал.

Но, Джоанна! Самое интересное, что Гай Кемпински знаком с твоим текущим работодателем, Уильямом Фловерфилдом. Он, кстати, и выразил искренний интерес в отношении здоровья хозяина поместья. В последний раз, когда они виделись, а это было уже приличное количество лет назад, Фловерфилд выглядел неважно и страдал от недуга, который никак не могли распознать, чтобы подобрать правильное лечение. У него были тяжёлые ревматические боли в суставах, какая-то экзема по всему телу, и его раннее наследственное облысение (а лысеть он начал с двадцати пяти лет) на фоне болезни сделало его голову похожей на гладкий шар с редкой кромкой истонченных волос впереди и по бокам.

Джоанна, я надеюсь на скорый ответ. Я очень жду подробностей – пиши их все и не старайся беречь мои нервы!

Я намеренно не буду рассказывать тебе ничего про себя, пока ты не предоставишь мне состоятельные доказательства собственного относительного благополучия. Я очень волнуюсь за тебя. Я не хочу, чтобы ты замкнулась в этом болотном поместье. Не для того тебя туда направили! Ох, я уже и жалею...

Напиши мне как можно скорее. И помни, что, если что-то пойдет не так, ты сможешь в любой момент прервать свои обязательства. В конце концов, у тебя уже есть достойные аргументы в пользу возвращения домой, и никто не будет вправе упрекнуть тебя. Я очень скучаю. Держись. Напиши мне в скором времени!

Целую тебя крепко. Твоя тетюшка Жоржина.

Прочитав письмо, Джоанна не смогла сдержать слез и горько расплакалась — все ее чувства вышли наружу. Как ей не хватало Миссис Трамель! Здесь, рядом с ней. Сейчас девушке показалось, что тысячи километров разделяют их. Что же так сильно тревожило ее? Сомнения, раздирающие душу. Ей не нравилось в этом доме, и эта семья ей не нравилась. Она казалась ей странной. Здесь ей не с кем было даже поговорить, и, наверно, она только сейчас это осознала. Болтовня с Мистером Фловерфилдом казалась странной, неискренней и какой-то безнадежно пустой.

Конечно, у нее не такой большой жизненный опыт. Она долгое время жила в уединении среди таких же воспитанниц пансиона, не видела мир и о многих вещах судит только по тому, что ей рассказывала ее тетушка, учителя пансиона, а также по обрывкам драгоценных картинок, запечатленных в воспоминаниях о ее раннем беззаботном детстве. Но все же она в состоянии понять для самой себя, исходя из устройства собственной души, что нормально, а что ненормально. Абсолютно неприемлемо, что Миссис Фловерфилд так поступила с ней! Она же знала, что это первая в жизни работа Джоанны! О чем она думала, уезжая прямо перед приездом Джоанны?! Даже если она почувствовала резкое ухудшение здоровья и потребность в экстренном отъезде, она могла бы письмом предупредить, и тогда бы Джоанна не была бы сейчас в столь растрепанных чувствах.

Глава 5. О, Мистер Фловерфилд!

Джоанна так глубоко и безнадежно утонула в сочувствии к самой себе, что даже не заметила, как открылась дверь в ее комнату. Не заметила она и человека, который тихо вошел и осторожно присел на стул возле ее туалетного столика. Девушка сидела, опустив голову на колени, на котором лежало письмо, и негромко всхлипывала.

Джоанна вздрогнула, почувствовав чью-то теплую и тяжелую руку на своем плече. Она подняла заплаканные и замутненные глаза. Рука принадлежала Уильяму Фловерфилду. Он смотрел на девушку с сочувственной нежностью, рука скользнула по спине до уровня лопаток, после чего он осторожно убрал ее.

– Я вторгся в вашу обитель. Прошу меня простить, – почти что прошептал Мистер Фловерфилд. – Я шел в свою оружейную комнату – она в конце коридора, – ваша дверь была открыта. Вы плакали так горько и отчаянно! Как человек, отвечающий за ваш покой и благополучие в этом доме, не могу не спросить... Чем вы так расстроены, и что я могу сделать для вас?

– Все хорошо, – ответила Джоанна и тут же прикусила язык. Глупо устраивать истерики, а потом на вопрос «что случилось» отвечать распухшим от слез ртом, что «все хорошо». Она плакала уже очень долго – счет времени потеряла. Благо, что время было позднее, и она никому уже не была нужна, кроме крохи Эдгара. Но Эдгар приболел и спал с четырех часов. Возможно, Уильям Фловерфилд уже продолжительное время за ней наблюдал, она не могла этого знать. – Вы правы, Сэр. Я действительно расстроена. Есть вещи, которые меня, возможно, не касаются, но я не могу не думать о них...

– Я вас прекрасно понимаю, – произнес Мистер Фловерфилд с предельной для него кротостью. – Вы даже не представляете, как высоко я ценю вашу откровенность. Я, признаться, уже некоторое время пребываю в состоянии растерянности и не нашел в себе сил уделить вам достаточно внимания, дать объяснений некоторым вещам. Слишком много свалилось всего на нас всех... Вы, вероятно, будучи проницательным человеком, сами что-то заметили, сделали предположения... И, конечно, будет лучше, если вы услышите все от меня, и это положит конец вашим терзаниям и ужасным подозрениям.

Джоанна немного пришла в себя и теперь с некоторым удивлением смотрела на Мистера Фловерфилда. Казалось, он говорил какие-то невероятные, странные вещи. Он собирался ей что-то очень важное рассказать, но что? На коленях девушки лежало вымокшее от слез письмо. Чернила поплыли, и бумага теперь напоминала небо с разводами мрачноватых облаков.

– Давайте сделаем так, Джоанна, – произнес Сэр Фловерфилд. – Я сейчас спущусь в кухню и распоряжусь насчет чая. Вы ждите меня здесь. Я принесу поднос с чаем прямо сюда. Мы должны обязательно поговорить. Быть может, мне надо было сразу все выложить... Но вы очень молоды, хотя ваше сердце благородно не по годам. Ждите меня здесь. Никуда не уходите!

Мистер Фловерфилд вышел, прикрыл за собой дверь и быстрым шагом отправился вниз по лестнице в сторону кухни. Покорный старый дом шумным эхом отражал его гулкие шаги.

Сэр Уильям вернулся очень быстро, будто поднос с чайником, двумя чашками и пожаренным хлебом уже ждал его внизу на последней ступени лестницы. Мужчина осторожно расчистил туалетный столик, с позволения Джоанны, и водрузил на него поднос. Он налил чая в чашку и подал ее девушке, которая продолжала сидеть на кровати, но уже убрала письмо с колен. Она наблюдала за его движениями, которые могли бы принадлежать человеку лет тридцати пяти и не больше. Как молодо выглядел Сэр Уильям! А ведь ему не меньше шести-десяти пяти лет.

– Не считите за грубость, – сиплым голосом произнесла Джоанна. – У меня от этого чая, который я искренне нахожу очень вкусным, неимоверная сухость во рту, с которой мне сложно справиться в течение дня. Приходится постоянно пить воду... Но даже это не всегда помогает.

Уильям Фловерфилд призадумался, но потом довольно живо отметил:

– А вы правы, Миссис Джонс! Вы совершенно правы! Мы всегда покупаем чай у одного лавочника-индуса. Похоже, что в последнем холщовом мешочке, купленным нашим Джо перед вашим приездом, было слишком много тимьяна. Это тимьян, когда его в избытке, создает такое ощущение, будто першит все время... Завтра же распоряжусь, чтобы Джо съездил за новым чаем. Я тоже, признаться, страдал все это время от неприятного ощущения во рту, но не отдавал себе в этом отчет.

– Я, с вашего позволения, просто воды попью из кувшина, – сказала Джоанна, встала с кровати и налила себе воды в кружечку с нарисованным розовым кустом, подаренную Миссис Трамель перед самым ее отъездом.

– Я, пожалуй, начну, – произнес Мистер Фловерфилд, вздыхая. Его серые глаза будто бы посветлели, привычная туманная пелена спала. – Вас, Миссис Джоанна, несомненно, покорила тот факт, что по вашему приезду вы не застали мою Амелию, Миссис Фловерфилд. Ранее я вам сказал, что она уехала из-за внезапно обострившегося хронического заболевания на минеральные источники. В этом утверждении почти все правда, но стоит сделать несколько уточнений. Миссис Фловерфилд – женщина исключительно добродетельная и скромная. У нее есть особая черта – она не любит болеть и жаловаться окружающим. У Амелии в прошлом году диагностировали очень неприятную опухоль. – На этих словах Уильям Фловерфилд заглянул Джоанне в глаза и сделал многозначительную паузу. – И это та стадия болезни, когда возможна только лишь паллиативная помощь. Жена уехала, чтобы немножко привести себя в порядок, передохнуть и подарить своему организму небольшое вспоможение целебной силой минеральных вод. Она не хотела, чтобы вы видели ее в дурном состоянии. Амелия решила, что ее нездоровье напугает вас, и вы уедите обратно. Я предполагаю, что это не самое мудрое решение с нашей стороны – заставить вас врасплох, так сказать – но мы были в некотором отчаянии.

Рассказ Уильяма Фловерфилда шокировал Джоанну. Выходит, что хозяйка дома смертельно больна и вынуждена была уехать для получения вспомогательного лечения, способного облегчить последние месяцы ее жизни? Она стеснялась своего вида и боялась, что новая гувернантка откажется от своего места? Голова Джоанны шла кругом. Она не могла не отметить некоторые неточности – все же супруга Сэра Фловерфилда могла хотя бы написать ей, пусть и несколько смягчив обстоятельства своего вынужденного отъезда. Да и с чего бы Джоанне пугаться вида несчастной женщины, страдающей неизлечимым недугом? Напротив, она, Джоанна, была бы еще более рада оказать ей услугу и присмотреть за ее детьми. Конечно, она бы расстроилась, что у нее не будет приятного женского общества и, что еще важнее, совета опытной матери, который мог бы пригодиться Джоанне в воспитании непростых и таких разных ребятешек, но уж точно не отчалила бы обратно в Лондон, опасаясь избыточных хлопот... В любом случае получилось нечто вроде сокрытия правды, то есть обмана... Обман – он как отравка, оседает в душе – трудно избавиться, трудно забыть и поверить снова.

– Миссис Фловерфилд вернется домой? – выпалила Джоанна, собравшись с мужеством и испытывая ужас от собственного вопроса. – Удастся ли мне познакомиться с ней? Если да, то как скоро?

– Я очень на это надеюсь, – вздохнул Сэр Фловерфилд. – Мы все на это надеемся. Дети очень скучают. Я уже говорил вам, что и у меня все из рук валится. Вас, наверно, немало напугал вид нашего сада, который давно уже не знал бережных рук садовника. Предыдущий садовник утонул в болоте. Он частенько перебирал с вином... Понимаете теперь, сколько всего и сразу на нас свалилось? Болезнь жены, гувернантка Джудит бросила нас в тяжелый момент, с прислугой вечно какие-то неурядицы и злоключения. Наш старый добрый Джо налетел на сук и теперь без глаза... Черная полоса отчаяния...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.